

ОБ ОДНОЙ СЛАВЯНО-БАЛТО-ФИНСКОЙ ИЗОГЛОССЕ

Б. А. ЛАРИН

I

В предисловии к Опыту областного великорусского словаря, редактором которого был А. Х. Востоков, читаем (стр. II—III): „В старинном русском языке находим замену винительного падежа именительным при неопределенном глаголе. Эта особенность сохранилась в нынешнем областном Северном наречии. Так говорят: *руковица снять*, *сестра проводить*, *вода нальть*, *река переплыть* и т. п.“. В том же 1852 году П. А. Лавровский выделил такие конструкции в древне-русской письменности и современном русском фольклоре¹. Дальнейшие разыскания велись по этим двум направлениям.

В „Исторической грамматике русского языка“ Ф. И. Буслаева² была определена функция инфинитивных оборотов, „означающих необходимость или возможность действия“, и собраны яркие примеры, начиная с 1229 г. (Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готландом) и кончая „доселе употребительным в областных наречиях, например, в архангельском, „выкупить буде права рука““. Приведены из сборника пословиц XVII в.:

Барашка убить — не душа погубить.
Без денег — вода пить.
Говорить правда — потерять дружба.
Дать ссуда — навек остуда.
Любить игра — купить домра.
Первая песенка — зардевся спеть.

Из Древних российских стихотворений (Сборник Кирши Данилова): „Хотя нога изломить, а двери выставить. Где бы Ермаку зима зимовать.“

¹ П. А. Лавровский, О языке северных русских летописей, СПБ, 1852, стр. 122—124.

² Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка (1-е изд. 1858, 2-е изд., 1862, § 196).

Я привел так много цитат Ф. И. Буслаева потому, что последующие русские синтаксисты отправляются от них, повторяют их, понемногу увеличивая фонд этих материалов.

Вс. Миллер в статье 1872 г.³ привёл ведийскую параллель к конструкции именительного падежа дополнения при инфинитиве: *sa asya mahitā na sannaçē* (букв. „великая мощь его не достигнуть“) и этим значительно раздвинул хронологические рамки изучения такого оборота речи.

А. Потебня на трёх страницах книги „Из записок по русской грамматике“⁴ еще больше расширил поле исследований в разных направлениях. Он привёл пять цитат из средневековой белорусской письменности (старшая из них — 1387 г.) и одну из современной белорусской народной речи и таким образом опроверг утверждавшееся к его времени (повторяемое и поныне) мнение об исключительно северно-русском ареале этого явления.

Происхождение конструкции он поставил в связь с закономерностью грамматической эволюции, которую он обосновывает в этом исследовании: „от безличных оборотов — к личным“. Древний вид формулы *Такова правда взяти русину у Ризъ и на Гочком березъ* он реконструирует так: *Такова правда [естъ] взяти русину...*, где слово *правда* считает подлежащим, а *взяти* (существительное в дательном пад.) — дополнением или целевым обстоятельством сказуемого. В дальнейшем, по его мнению, оборот стал безличным, и слово *правда*, оставаясь по форме именительным падежом, переосмыслено как прямое дополнение при *взяти* (теперь — инфинитив). Этим (на мой взгляд спорным) объяснением Потебня открыл путь для глубокого исторического анализа загадочной синтаксической конструкции. После работы А. А. Потебни уже невозможно ни переносить в прошлое современное русское понимание этого оборота, ни считать его незыблемо-устойчивым и однозначным на протяжении всей доступной нам истории.

³ Эта статья, написанная как ответ на анкету 4-го Археологического съезда в Казани, напечатана была в Московских Университетских Известиях за 1872 г., ч. IV, а затем была переработана в книгу: „Взгляд на Слово о полку Игореве“, М., 1877. Заметим, что в эту книгу автор не перенёс ведийской параллели, так как приведенная конструкция не типична для ведийского языка и отличительна от русских тем, что инфинитив еще не выкристаллизовался в ведах, употребительны были многочисленные разнообразные именные образования, в которых падежная форма существительного была еще общепонятна.

⁴ А. А. Потебня, „Из записок по русской грамматике“, II, 416—18, Харьков, 2-е изд., 1888. Так как северно-русское приурочение этого оборота принимается многими — до последнего времени, — то я воспроизведу здесь найденную А. А. Потебней белорусскую документацию: 1) Из Грамоты вел. кн. Ягайлы 1387 г.: „а всякому ми делу и справа ему (Скиргайлे) чинить и его людемъ“; 2) из Актов Западной России, I, 352: „Витеблянину вся татьба лицом вернути“ (1503 г.); 3) там же, I, 92: „давать им мера меду“; 4) там же: „давать ему поль мѣры меду, а полтина грошей литовская“ (1480 г.); 5) там же, II, 27: „хто корда добудеть на кого, ино рука втяти, а хто кого ранить, ино шыя втять“ (1507 г.). Современное: „Дать половину Маркового богатыря“ (Романов. „Белорусский сборник“, III, 338). Акад. Е. Ф. Карский („Белоруссы“, вып. 2, переиздание 1956 г., стр. 163, и вып. 3, 395) нашел еще 9 примеров в памятниках XIV—XVI вв. и несколько примеров из народной речи.

После истолкования оборота „именительный с инфинитивом“ А. Потебне не стоило труда разъяснить древнерусские и современные диалектальные конструкции с *надобъ* (надо), (*не*)*требъ* с именительным падежом (*не надобъ моя дань*, 1490 г.; *не требъ ти молчание* „Lexicon palæoslovenico = græco = latinum F. Miklošich'a“; совр. али сила тебе надобъ несчетная). Впервые Потебня поставил эти конструкции в связь с инфинитивными, что помогает историческому пониманию тех и других. Именительный падеж существительного в этих оборотах — по его мнению — был и остается выражением подлежащего, а (*есть*) *взяти*, (*есть*) *надобъ* — сказуемым.

А. В. Попов⁵, писавший: „происхождение этого рода оборотов вполне ясно“ и Д. Н. Овсянико-Куликовский⁶, назвавший форму существительного в этих оборотах „ложно-именительным“, — последовали за Потебней.

Приняли теорию Потебни и А. Н. Соболевский⁷, и Е. Ф. Карский. Не обратив внимания на замечание Буслаева и Потебни о возможности в этой конструкции именит. пад. существительных муж. р. (*знать сова по первью*, — знать сокол по полету; *ленивой и по платью знать*), Соболевский утверждает, что этот оборот допускал только существительные женского рода ед. ч. Как и Потебня, он считает позднейшим результатом разложения первичной конструкции — сочетания именит. пад. прямого дополнения с повелительным или с деепричастием (*Дай бог ему здоровье и мъзда спасеная от бога прияти* Пролог 1383; *Взявъ у водовы от писка* 1634 г.; *соимиа рубашка* — в Домострое).

А. А. Шахматов в ранней работе⁸ о языке новгородских грамот допустил очень смелую для своего времени догадку, которая, заметим это тут же, находит дальнейшее обоснование только сейчас: „Весьма вероятно, что в XIV в. в словах, выражавших одушевленные предметы, замечалось то же, что в современном языке, но может быть рядом с формой родительный пад. = винительный пад. могла существовать и форма винительного ед. и мн., сходная с именительным ед. и мн.; случаи: *держати ти вунъ* (№ 2); *ти вунъ свой держати* (№ 1 и 9); *слати осетръникъ и медовара* (№ 1 и 3); *при осетръника* (№ 6, 7 и 9); *всякий гость пустити* (№ 12) и некот. др. ничего против этого не доказывают, так как это могут быть именительные падежи, являющиеся вм. ожидаемых винительных под влиянием неопределенного наклонения, совершенно так же, как мы находим здесь: *вся таль пустити* (№ 12), *грамота изръзати* (№ 12), *та грамота дати ти назад* (№ 3), *продати ти дань своя* (№ 10), *дати исправа* (№ 16). Шахматов впервые признал, что совпадение форм именительного — винительного пад. у существительных муж. и ср. рода не может быть основанием,

⁵ А. В. Попов, Сравнительный синтаксис именительного, винительного и звательного падежа в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях, „Филологические записки“, 1879, вып. VI, стр. 47.

⁶ Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, 2-е изд., СПБ, 1912, стр. 205, 207 и 202.

⁷ А. И. Соболевский, Русский исторический синтаксис, литографированное издание, СПБ, 1892—93, стр. 57 сл.—80 сл.

⁸ А. А. Шахматов, Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв., СПБ, 1884, стр. 202.

чтобы исключить возможность оборота „именит. прямого дополнения с инфинитивом“, содержащим существительные муж. и ср. р., а не только сущ. жен. р. (у которых формы именительного и винительного не совпадают). Мало того, он предположил особую категорию более редкого именит. прямого дополнения одушевленной категории“ вместо винительного, равного родительному, сохранившуюся преимущественно при инфинитиве.

В позднейшей работе⁹ о языке Двинских грамот он продолжает свои размышления над этими конструкциями. Признав нормой в этих текстах для „одушевленных имен“ тождество формы родит. пад. ед. ч. и мн. с формой винит. пад., он добавляет (стр. 129 сл.): „отметим здесь, что *конь воронъ* (*а дал... полиестадъсять сороковъ бѣлки, а пополонка конь воронъ № 90*) — не винит. пад., а именительный. Точно также формой не винит. мн., а именительного является: *бобры* (*Се купи... и у стороныхъ рѣкахъ рыба ловити и бобры бити* (№ 108)“. Как видим, он относит и эти примеры к обороту „именительный вместо винительного в прямом дополнении“. Шахматов проводит четкое разграничение: а) сказуемое — личная форма глагола (*се купил...*, *а дал...* и под.), в таких случаях именит. вм. винит. появляется вследствие того, что „переходный глагол управляющий находится на значительном расстоянии от управляемого слова“; и б) сказуемое — инфинитив (стр. 131) „замена винительного именительным объясняется, как кажется, тем, что инфинитив, по самому происхождению своему являясь именем, не имел того полного глагольного значения, которое имели другие глагольные формы“. Здесь вслед за Миклошичем он готов признать именит. пад. существительного подлежащим. Наконец, в последней работе по синтаксису¹⁰ он склонен выводить оборот „инф. с именит. пад.“ из „надо(бѣ) + инфинитив“.

На этом, собственно, и кончается теоретическая разработка вопроса. Мелкие поправки и дополнения, внесенные позже, не имели такого значения, как расширение географических или языковых границ изучаемой конструкции при накоплении материалов из разнообразных источников. Например, в изданной В. А. Розовым „Присяжной грамоте кн. Дмитрия Ольгердовича Брянского королю Ягеллу 1388 г.“¹¹ мы находим: *слобу юмъ держати цѣлую правду и чиста вѣра...* Несколько лет спустя проф. Е. Тимченко¹² также нашел именительный прямого дополнения с инфинитивом в ряде старо-украинских источников. Тем не менее С. П. Обнорский еще в 1927 г.¹³ называет это „старой северновеликорусской чертой“ и далее пишет: „характерно существование этой особенности в белорусском при отсутствии ее в южновеликорусском и малорусском“, ссылаясь на „Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка“ Колосова (Варшава,

⁹ А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV в., ч. I—II, СПБ, 1903.

¹⁰ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1, Лд., 1925, стр. 12.

¹¹ Южнорусские грамоты, собранные Владим. Розовым, т. 1, изд. Отд. рус. яз. и словесности АН, Киев, 1917, стр. 42—44.

¹² Е. Тимченко, Номінатив і датив в українській мові, у Київі, 1925 р., стр. 15 сл.

¹³ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., 1927, стр. 266.

1878), но игнорируя работы украинских языковедов. П. Бицилли¹⁴ по этому поводу привел из сборника И. И. Срезневского „Памятники народного языка“ еще извлечение из текста народной украинской думы: „Чи ще ж тобъ не далася тяжкая неволя знати“. В своей статье он отметил преимущественное употребление конструкции при независимом инфинитиве и определил хронологическим пределом употребление её в литературном русском языке первую четверть XVIII в., объясняя исчезновение её как сознательное устранение „аномалии в формальном и смысловом отношении“. Оно будто бы произошло „сразу... что заставляет связать это явление с всколыхнувшей мысль петровской реформой.“ Язык письменности и литературы XVIII века слишком мало разработан, чтобы безоговорочно принять догадку П. Бицилли. Я могу привести пример из „Живописца“ Новикова за 1772 г. (л. 15): *Как отпойши молебен, так можно ему поднести чарка вина.* Граница употребления оборота, возможно, будет отодвинута ближе к нашему времени. Да и как можно пренебречь очень широким распространением оборота в народной русской речи! Живая речь даже в своих пережиточных чертах прорывается в литературный язык. М. Горький во втором издании пьесы „Егор Булычов и другие“¹⁵ вопреки корректорам и редакторам восстановил в реплике Булычова: „Смолоду много бито, граблено, под старость надобно душа спасать“, а не *душу спасать*, как хотели печатать „блюстители“ выструганного литературного языка.

Б. Унбегаун в работе 1935 г.¹⁶ собрал свидетельства документов первой пол. XVI в. об употреблении именительного прямого дополнения от имен женского рода (и таких как *рухлядь, рать, дочь*), отметив, что имена одуванные муж. р. выступают всегда в форме родит.-винит. падежа.

Я. А. Спринчак дал в своей диссертации систематику модальных функций инфинитивных оборотов¹⁷. Ф. П. Филин¹⁸ опубликовал извлечения материалов по этой конструкции, собранных ленинградскими диалектологами в экспедициях для Диалектологического Атласа русского языка, отбирая ценные и новые данные, уточняющие и корректирующие традиционную схему, например, именительный прямого дополнения при зависимом инфинитиве (*хочу пить холодная вода* — Вологод.); при личных фф. глагола (*а рыбато уж мы как любим* — Беломорье; *сёни печка топили* —

¹⁴ П. Бицилли, Употребление формы именительного пад. женских имен. на -а при инфинитиве в русском языке, „Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесетгодишиината отъ рожденнието му (1863—1933)“, София, 1933, стр. 199—208.

¹⁵ В альманахе „Год шестнадцатый“, Альманах 1, М., 1933. Так же перепечатано в 30-ти томном Собрании сочинений, т. 18, стр. 106.

¹⁶ В. Unbegau, La langue russe au XVI siècle (1500—1550). La flexion des noms, Paris, 1935, p. 128—131.

¹⁷ Я. А. Спринчак, Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного: а) Конструкция инфинитива плюс именит. ед. ж. р., Ученые записки Лен. Пед. Ин-та им. Герцена“, т. XX, Лд., 1939, стр. 133—143; б) Конструкция „инфинитив с имен. п. сущ. ж. р.“ в истории русского языка, „Научн. записки Днепропетровского Унив.“, XXIX, 1941, стр. 3—47.

¹⁸ Ф. П. Филин, Об употреблении формы именительного падежа имён женского рода на -а в значении аккузатива, „Бюллетень Диалектологического сектора Ин-та Русского яз.“, вып. 1, М.—Л., 1947, стр. 17—22.

Вологод.); при повелительном (*дай мне ягодинка* — Беломорье; *отрежь кромочка хлеба* — Пудожск.); при наречии видно (*отсюда-то изба видно* — Ленингр. обл.); при деепричастии (*неделя пропустя* — Лен. обл.). Переформулируя идею раннего Шахматова, Ф. П. Филин утверждает развитие „общей аккузативной категории“, „общего винительного падежа“, но только от существительных ж. р. на -а.

Следуя за Ф. П. Филиным и приводя позже собранные ленинградцами материалы, В. Георгиева¹⁹ указывает на случаи употребления именит. пад. вместо родительного разделительного: *Трава накоси телёнку* — Арханг.; *Сколько рыба нада поймать тебе-ка?* — Кр. Горы, Эст. ССР; *У нас топерь сила-то мало* — Новгор. В. Георгиева предлагает рассматривать отдельно и независимо сочетания именит. пад. с *надо* (стр. 47), хотя сама же привела довольно много примеров типа: *вода стереть надо* — Беломорье; *надо стелька клась* — Ленингр. обл. (стр. 43), указывающие на тесную связь этих конструкций.

В. И. Борковский²⁰ обстоятельно рассмотрел работы предшественников и привел богатый, хорошо систематизированный материал по именительному прямого дополнения из древнейших русских грамот. В объяснении происхождения оборота „именит. пад. с инфинитивом“ он считает наиболее убедительной гипотезу А. А. Потебни, а в территориальном приурочении вполне соглашается с утверждением М. А. Колосова о новгородском очаге его распространения (см. стр. 345 след.), расходясь в этом с Буслаевым, Вс. Миллером, Потебней и Тимченко.

Последняя известная мне работа по этому вопросу написана М. И. Пигиным²¹. Здесь повторены основные положения предшественников, начиная с Потебни, однако без всяких ссылок на литературу вопроса. Иллюстративный материал (и диалектный и из старой письменности) подобран самостоятельно. Если принять это за итог более чем столетних усилий русских языковедов исторически и генетически разъяснить изучаемую конструкцию, то пришлось бы считать вопрос исчерпанным, видя, как мысль ученых движется по замкнутому кругу. Однако это не конец, а только первый подступ к решению проблемы.

II

Еще в начале нашего века конструкции с именительным падежом прямого дополнения при инфинитиве, деепричастии, дебитиве и т.д. выделены были в синтаксических работах по литовскому языку (И. Яблонский) и по латышскому языку (Я. Эндзелин). Однако русские языковеды не заметили этого и до последнего времени считали такие обороты, как мы видели, специфически русскими, даже северно-великорусскими. Нечего и говорить,

¹⁹ В. Георгиева, Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именит. пад. с инфинитивом или наречием „надо“ в современных русских говорах, „Материалы и исследования по русской диалектологии“, т. III, М.—Л., 1949, стр. 40—58.

²⁰ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, изд. Львовского Университета, Львов, 1949, стр. 338—351.

²¹ М. П. Пигин, Конструкции, содержащие в себе сочетание инфинитива с формой именительного падежа существительного, в истории русского языка, „Ученые записки Карабело-финского Университета“, т. IV, вып. 1, Петрозаводск, 1954, стр. 84—111.

что никто даже не пробовал поискать аналогий за пределами индоевропейских языков. Такая узость горизонта обусловила насилие над материалом при его истолковании и исторической интерпретации.

Господствующая в индоевропейских языках номинативная структура предложения признавалась единственной возможной для языков этой семьи, и всё, что ей не соответствовало, подгонялось под номинативную модель во что бы то ни стало, или толковалось как „аномалия“, разложение, деформация исходного номинативного предложения. Так, А. А. Потебне для обоснования своей гипотезы происхождения „именительного с инфинитивом“ потребовалось вставить глагол-связку „есть“ в оборот *Такова правда узятии Русину...*, чтобы именит. пад. *правда* оказался подлежащим, а *есть узтии* — сказуемым, и нарушенный канон был бы таким путем реконструирован“. Эта операция больше всего и прельщала всех последователей Потебни. Но в Договорной грамоте Мстислава Давыдовича с Ригой И Готским берегом 1229 г., откуда взят этот эталон, оборот наш встречается 14 раз и ни разу с глаголом *есть*. Другая конструкция с *есть* встречается один раз: *Тая правда есть Руси изъ Смолънска до Гочкого берега*, т.е. „этот закон действителен (действует) для русских от Смоленска до Готланда“. Но в этой конструкции нет никакого инфинитива, и она ни в какой мере не является прототипом исследуемой конструкции. А если среди не столь многочисленных случаев именительного пад. прямого дополнения при зависимом инфинитиве (зависимом от другого глагола в личной форме) и встречается в виде редкого исключения глагола *есть*, то он стоит вне этого оборота, управляя им, в значении „следует, надлежит“, т.е. — как плеонастическое выражение модальности, и без того притущей инфинитивному обороту.

Чтобы понять нашу „аномалию“ номинативного строя, надо отвлечься от индоевропейского канона. Неоспоримое существование „эргативного строя“ в кавказских и других языках или „пассивного строя“ некоторых азиатских языков дает основание идти в истолковании „аномалий“ другим путем. Вполне законно видеть в таких явных аномалиях, как изучаемая нами, — либо субстратное вторжение, либо пережиток (рудимент) дономинативного строя в индоевропейских языках. Известная статья К. К. Уленбека²² „*Agens und Patiens im Casussystem der indogermanischen Sprachen*“ („Действующий и испытывающий в падежной системе индоевропейских языков“) обратила всеобщее внимание на совпадение форманта винительного падежа мужского и женского рода ед. ч. с формантами именит.-винит. пад. среднего р., которое указывает на древний единый падеж подлежащего в пассивном обороте и дополнения — в активном (после переходных глаголов). Именительный падеж „действующего предмета“ (*agens*) с приметой „S“ развивается позже, неравномерно, не во всех индоевропейских языках и притом только у имен женского и мужского рода. Параллели Уленбек указал в гренландском, баскском и др. языках. Это приоткрывает глубокую

²² C. C. Uhlenbeck, *Agens und Patiens im Casussystem der indogermanischen Sprachen, „Indogermanische Forschungen“*, Bd. XII, Strassburg, 1901, S. 570—572.

историческую перспективу в доиндоевропейскую систему именной флексии. А. Лескин еще в 1876 г.²³ убедительно отрицал существование „S“-ового номинатива“ в славянских языках, что может указывать и на относительно позднюю окончательную дифференциацию именительного ~ винительного в отдельных индоевропейских языках, и на задержавшееся в некоторых из них употребление „пассивного именительного“.

Проф. С. Е. Малов (высказываясь по моему докладу на эту тему в 30-х гг.) видел аналогию рассматриваемым конструкциям в той особенности строя тюркских языков, что номинативная форма, представляющая чистую основу без всяких формантов (а такова была и древнейшая индоевропейская форма именительного падежа существительных среднего рода: скр. *madhu*, греч. μεδυ и др.) служила со временем древнейших памятников для выражения неопределенного объекта как после личных форм глагола, так и после образований, соответствующих инфинитиву и причастиям индоевропейских языков.

В финском языке²⁴ подобный тюркскому номинатив употребляется как падеж прямого дополнения (в значении аккузатива) в ед. числе в следующих случаях: 1) после повелительного наклонения: *Syö kala!* „съешь рыбу!“; *Anna kirves!* „дай топор!“; *Löytääkää kassa ja ostakaa lippi* „найдите кассу и купите билет“; 2) после И инфинитива или причастного оборота с глаголом долженствования или с наречиями, предикативами типа *нужно, стоит, хорошо, полезно*: *Minun täytyy maksaa velka* „я должен заплатить долг“; *Teidän täytyy lukea tämä kirja* „вам следует прочесть эту книгу“. Эта же форма выражает подлежащее при глаголе в пассивной форме (*sana sanotaan* „слово молвится“). Иными словами, мы имеем здесь типичный „пассивный именительный“, которым может быть выражено подлежащее при страдательной форме сказуемого и дополнение в других случаях. Подобные конструкции находим и в эстонском языке. Именительный — как выражение дополнения — употребляется после повелительного (*Anna vikat ja luisk peremehe kätta* „Отдай косу и бруск хозяину!“), после инфинитива на *-da* со значением долженствования, необходимости (*Õppetükk tuleb selgeks õppida* „урок следует выучить“) и при зависимом инфинитиве (*Tal oli kavatsus kirjutada kiri* „у него было намерение написать письмо“), а также при безличном сказуемом (*Kolhoosis lõpetati kevadkülv* „В колхозе закончили весенний сев“).²⁵

²³ A. Leskien, Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen, Leipzig, 1876. Некоторые ценные соображения можно найти в статье Э. Э. Андерсена, К вопросу о генезисе падежей именительного и винительного, „Русский Филологический Вестник“, кн. 4, 1912, стр. 43—54.

²⁴ Иногда этот неоформленный номинатив называют аккузативом. См., напр., Н. Яенсен, Finnische Grammatik, I, Hamburg, 1934, S. 32 ff.; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, ч. 1, Фонетика и морфология, § 47, М., 1953; ч. 2, Лексикология и синтаксис, § 30—31, М., 1955. Здесь (стр. 224) приведен взгляд Сетэлэ, что номинативной (неоформленной) формой выражался неопределенный объект, а аккузативом — более определенный, что вполне соответствует различению выражения прямого дополнения в тюркских языках, см. выше указание С. Е. Малова. Ср. еще работу Agne Runeberg, Some observations on linguistic patterns in a bilingual society, Part I, Helsingfors, 1951, p. 37.

²⁵ См. 1) N. Remmel, J. Valgma, E. Riikoja, Eesti keele grammatika VIII—X klassile, Tallinn, 1959, lk. 169—170. 2) E. Pääl, E. Totsel, G. Tukumtsev, Eesti ja vene

Употребление именительного прямого дополнения в финском и эстонском (как и в тюркских) вполне соответствует древнерусским и современным диалектальным конструкциям с именительным дополнением 1) при инфинитиве, служащем в основном для волеизъявления, а также для выражения безличности и неопределенности действия во времени; 2) при повелительном и 3) при деепричастиях. Есть аналогия и в употреблении этой формы номинатива-дополнения при личных формах глагола. Рассмотрим русский материал подробней.

III

Территория распространения оборотов именительного прямого дополнения, как уже отмечалось (Ф. П. Филиным, В. Георгиевой), — неуклонно сокращается. В последнем столетии основной причиной является расширение грамотности и усилившееся влияние литературного языка. А раньше должна была сказываться нивелирующая сила господствующей номинативной модели предложения, накопление новых синонимических средств для выражения тех синтаксических функций, какие раньше выражались архаическими оборотами,rudimentами иного строя языка.

Материалы, приведенные украинскими учеными, делают несомненным наличие оборотов с именительным дополнением в средневековом украино-белорусском литературном языке, куда такие обороты могли проникнуть только из живой речи населения литовско-русского государства. Можно признать, следовательно, что пять-шесть веков назад эти конструкции были известны всем трём восточно-славянским языкам как реликтовые, но шире всего и устойчивее всего они оказались в великорусских говорах и деловом языке Московской Руси.

Неточным оказалось и утверждение, будто этих оборотов не знали и не знают южно-великорусские говоры. В ряде работ В. И. Собинниковой²⁶ показано, что и Воронежские грамоты, и современные воронежские говоры знают оборот „инфинитив с именительным прямого дополнения“: *чинить рас-*

keele korvitav grammaatika. Э. Пялль, Э. Тотсель, Г. Тукумцев, Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка, Таллин, 1962, стр. 246. Добавлю еще несколько примеров: 1) на именит. пад. прямого дополн. при инфинитиве, когда говорится о необходимости действия; 2) на именит. пад. прямого доп. при причастиях, соответствующим нашим деепричастным оборотам, и, наконец, 3) при безличном сказуемом, что аналогично некоторым славянским и балтийским конструкциям. Эти примеры любезно сообщены мне О. Н. Семеновой из синтаксической картотеки современного литературного эстонского языка Ин-та языка и литературы Эст. ССР: 1. *Homme tuleb arst kutsuda*, „завтра надо будет позвать врача“. *Opetaja audis tüdrukula käsu kala ära pu hastada*, „Учитель велел девочке вычистить рыбу“. *Talud said käsu sulane voi tüdruk mõisa saata*, „Хутора получили приказ послать в усадьбу батрака или девку“. 2. *Söömine lõpetatud mindi õm*, „закончив трапезу, шли на двор“. *Värsked ajalehed läbi loetud*, „прочитав свежие газеты...“ *Uksed uesti hoolega lukku käänanud*, „Заботливо заперев снова дверь на замок...“ 3. *Eeva aidati veoautole*, „Еве помогли влезть на грузовик“. *Nüüd lastud kohe poiss kuninga ette*, „теперь мальчик сразу был допущен к королю“.

²⁶ В. И. Собинникова, Общенародные и диалектные черты в языке областной письменности XVII — нач. XVIII в. (по материалам воронежских грамот), „Начальный этап формирования русского национального языка“, Лд., 1961, стр. 214; Простое предложение в воронежских говорах, Воронеж, 1962, стр. 23, 192.

права; отдать грамотка на Воронеже; та вотчина продать; дать купчая; велено на Воронеже тюрма делати (совр. изба балить; трава касить; К. Филатов еще в 1898 г. приводил: *Он ковыль-травка рвал, как указала В. Н. Собинникова*). В 30-х гг. я был в экспедиции со студентами Ростовск. Пед. Ин-та в Донской области, и мы записали там: „*уалава прияслать некауда*“, „*адезына вздеть*“.

Еще более важно значительное разнообразие конструкций с именительным прямого дополнения и разнообразие их синтаксических функций.

Выше были приведены соображения о неосновательности исключения существительных мужского и среднего рода, как не образующих конструкций с именительным прямого дополнения (по крайней мере для старших источников). Примеры, позволяющие видеть в именительном прямого дополнения существительные мужского рода, приводили еще Ф. Буслаев и А. Потебня.

При форме повелительного наклонения именительный прямого дополнения был указан Н. М. Каринским в Псковском Шестодневе 1374 г.: „*Божественною мя ризою покръти, твоя милость честная (стая) послы*“²⁷. В Парижском „Словаре московитов“ 1586 г. есть две записи: *Appelez la chambrière! Possavy chelouza=chaya*, „*Позави служашша!*“ и *Combien vault ung renard noyr? Seto datty lychisa sorna?* „*с “то дать лисица цёрна?*“ (см. Б. А. Ларин, „Парижский словарь московитов 1586 г.“, Рига, 1942, стр. 64 и 143). В записях былин Рыбникова, I, 202, 401:

„*Золотой казны бери, сколько надобно*

И бери-то себе сила-армия!“

При личных формах прошедших времен и настоящего времени на именительный прямого дополнения наиболее древний пример привели В. И. Борковский²⁸ и В. Георгиева: *А ныне есмь уведалъ любовь ваша правая с сномъ моимъ с Витенем* (Грамота Полоцкого еп. Иакова к Рижанам, ок. 1300 г.). Из Псковской летописи В. Георгиева привела: *Заложиша церковь Рожество святое каменая за Стъною и мостъ поставиша новай на Псковъ*²⁹. В Лекциях А. И. Соболевского приведено³⁰: *Князи и бояре подовахъ имъ милостыня*. Из „*Великорусских народных песен*“, собр. А. И. Соболевского, VII, 206: „*И другом называют, чаша питья наливают...* Из записей Селигерской экспедиции 1936 г.: *стоплю байня* (д. Игожево); *свезла телега сена* (д. Березник); она несёт чашка (д. Залесье), *дали нам нова телега* (д. Мошонка).

При деепричастии древнейшие примеры в Русской Правде: *Закладающе городъня; куна взяти* (по Синод. сп. 1282 г.). *А первъе пагуба исплативши, а вѣ прощъ князю поточити и* (по Ферапонтовскому сп. XVI в.) (см. „*Правда Русская*“ под ред. ак. Б. Д. Грекова, I, М.—Л., 1940, стр. 132, 257).

Б. Унбегаун привел из Грамоты 1491 г.: *Да сказывают, господине, отпахавши имъ паиня, дополнна имъ быти на царя на Менли Гирея*³¹.

²⁷ Н. М. Каринский, Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г., стр. 244.

²⁸ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, стр. 348.

²⁹ В. Георгиева, Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3, М.—Л., 1949, стр. 48—50.

³⁰ А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, СПБ, 1907, стр. 237.

³¹ В. Un begaun, La langue russe au XVI siècle, Paris, 1935, p. 130.

В Домострое еще Буслаев указал: *со имя рубашка*.

Из Московской грамоты 1634 г. (по картотеке ДРС): *Взяв у всеводы отписка*. Из Лечебника XVII в. (собр. Щукина): *сваря каша отрубейная, и горячая привить (к той больной ноге)*. Из „Указа како лечити“ XVII в.: *И садячи капуста тою же водою поливать*. Из записей Селигерской экспедиции 1936 г.: *Неделя пропустя (дер. Гористая)*.

Все эти обороты имеют параллель в финском и эстонском (см. выше), а также в литовском и латышском (они будут приведены ниже).

Оборот „именительный дополнения с инфинитивом“ в древнерусских памятниках мы рассмотрим по функциям.

А) Наиболее древней функцией оборота мы считаем выражение стихийной необходимости, неизбежности, которая в переводе на современный язык может быть выражена словами *доведётся, прийдётся*:

Брате, князе Владимире, тuto испти мѣдвеная чаша (Задонщина); *Уже нам братие в земли своей не бывати... а целовати нам зелена мурава* (там же)³²; *А выкупят у нас отчины землю, ино та земля старости и всъмъ волощенемъ отдать и даная грамота выдать, а дворы монастырские снять* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии, II, 32; 1536—37 гг.); ...*с утра блюдо патоки да по хлебцу чевѣку, а о вечерне каша хлебати* (Хождение Трифона Коробейникова, 1594 г.); *Без денег — вода пить* (Сб. пословиц XVII в., изд. П. К. Симони); *Обнажил мя еси, кабаче, злыдням наставниче, с та срама только чюжая сторона спознати* („Праздник кабацких ярыжек“, Список 1666 г., изд. В. П. Адриановой-Перетц). *Проложить мне тропиноцька, пропоттать мне дороженька* (из песни, записанной в д. Берково, Белозерского р-на).

Б) Ко второй группе отнесем выражение рекомендации, просьбы, совета, указания, которое можно передавать при переводе этого оборота добавлением слова *следует, следовало бы*: Из Данной кн. Пожарского Сузdalскому Спасо Ефимьевскому монастырю 1587 г.: *А архимандриту Левклю съ братью родителей нашихъ, за ту мою дачу, в Синодики написати, и на памяти ихъ панихида путь и объдня служити соборомъ*; Из Травника Любчанина XVII в.: *Для того та трава пристоит прияти темъ, кои естествомъ суть студены и сухотны*; Из „Истории семи мудрецов“ (изд. Ф. Булгакова, ОЛДП, 1878): *Аще у кого жена умретъ, понять вторая*; Из Аввакума „Како созда богъ человѣка“: *Ино было (Адаму) уразумѣвъ навѣть дьявольский и жена укрѣпить къ соблюдению заповѣди*; Из „Обихода переплетчика“ П. К. Симони: *Под кадищею выкопати ямка*. Из „Указа како лечити“ XVII в.: *Инако унять кровь из носа, — вода студеная разсолить круто и вымажи главу*; Из грамоты XV в.: *А межи себѣ учинили огородом. Семену городити перегорода средня... Григорию городити перегорода заовинная*; Из былины „Соловей Будимирович“ (изд. Ляцкого):

³² Волинские повести древней Руси, изд. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1949, стр. 39—40, серия „Литературные памятники“.

*А тебе бы дѣвушкѣ
Не эдак бывать,
Ино дома быть,
Вода носить.*

Из Сборника пословиц Пауса, нач. XVIII в., л. 12⁶: *Какова чаша другу налить, такова и самому пить.*

В) Следующая группа: приказ подчиненному, государственный закон. Добавочный смысл конструкции можно передать словом *должно*. Приведу лишь два-три примера (большое количество их содержится в Русской Правде, в Судебниках, в Уложении царя Алексея Михайловича): Из „Наказа Аф. Пашкову на воеводство в Даурской земле (1655 г.)“:

А въ управныхъ во всякихъ дѣлехъ служилыхъ и торговыхъ и промышленныхъ людей судить и расправа межъ ними чинить безволовитно, въ правду, по государеву указу. Из допроса Василия Болотникова в 1622 г.: *И отпущенъ онъ въ Казань самъ, а велено ему жена его отдать и жити въ Казани.*

Г) Особую группу составляют целевые обороты, где модальность инфinitивного предиката уточняется, определяется, подчеркивается либо относительным местоимением, либо союзом *чтобы* (в позднем языке и частицей *бы*). Эта группа, по-видимому, более позднего образования:

...да костель восмь ведръ, въ чемъ пищеница варить, 1643 (Материалы для истории русской иконописи, изд. И. Е. Забелин, М., 1850, стр. 6—7); *Куплено портна тонкого, чемъ икона повить*, 1703 г. (Архив Онежского монастыря); *Магмедъ Аминъ царь Казанский присыпалъ къ тебѣ своего человѣка о сватовстве, чтобы ему собѣ дочерь твоя взяти*, 1491 г. (Собрание гос. грамот и договоров, ч. V, стр. 10); *Государь нашъ по многимъ гдѣствамъ посыпалъ о томъ, чтобъ ему, гдѣю великому, по себѣ прискать невѣста*, 1581 г. (Памятники дипломатич. сношений Московск. гос. с Англией, СПб., 1883, II, стр. 6); *Онъ на Вятку съ воровскимъ письмомъ напросился ехать самъ, что бы ему потому же на Вятке смути учинити*, XVII в. (Акты Археографич. Экспедиции, II, стр. 198); *Поручились есмѧ по крестьянинъ по Ефремъ по Ондроновъ сынъ въ томъ что ему... земля пахать и дворъ и новые хоромы ставити* (Акты Московск. Гос. т. I, СПб., 1890).

Д) В ряде текстов имеем сочетание нашего оборота со словами *мочено*, *можно*; но и без этих слов он способен выражать возможность называемого действия, как это видно в четвертом примере: *И собравъ къ себѣ всѣхъ служилыхъ и съ чихъ людей, говорити съ ними о том... гдѣ бы мочено пашня завестъ и въ да бѣ была у острогу близко* (Наказ Аф. Пашкову 1655 г.); ... а тѣхъ де лишнихъ земель со всякими лѣсами... на 15 верстъ и на тѣхъ де лишнихъ земляхъ и на угольяхъ поселить мочено вновь слобода немалая, 1680 г. (Акты о строении в Сибири городов); *Как же дело можно сделать: у живо го мужа жена отнять* (Былина, запис. ак. Шахматовым в д. Горка, Олонецк.). *И имъ, государь, грекомъ, православная христианская вера по се время изронити — не дивно*, XVII в. (Челобитная Соловецкого монастыря ц. Алексею Михайловичу).

Е) К группе Д примыкает и группа с функцией условности, обусловленности действия, выраженного нашим оборотом:

И то поставлено въ въчной позоръ, ежели за раба выдать госпожа“¹, XVII в. (Котошихин. О российском царстве); *Варить брага — потерять фляга*“ (Сб. посл. XVII в изд. Симони); *Столько топор спустить, голова срубить* (Рыбников, Песни, I, 382).

Все обороты без инфинитива с именительным пад. перед словами *надобъ*, *надобно*, *надо* не относятся к теме нашего исследования, хотя они и близки по модальному значению к инфинитивным оборотам. О конструкциях с *надо(бъ)* при инфинитиве с именительным прямого дополнения упомянуто выше. В них значение необходимости выражено плеонастически и инфинитивным оборотом, и еще словом *надо(бъ)*. Можно ли возводить безглагольные обороты с *надо(бъ)* к глагольным, как вторичные „с пропуском глагола“, я сомневаюсь. Засвидетельствованная Синодальным списком Русской Правды (1282 г.) формула: „А материꙗ часть дѣтемъ не надобъ“ вполне ясна и без глагола „взяти“ или другого подобного, хотя она, вероятно, соотносилась с более полными формулами, содержащими инфинитив.

Обобщая сделанные наблюдения, подчеркиваем свойственные всем функциональным разновидностям оборота „инфинитив с именительным прямого дополнения“ черты:

- 1) выражение действия возможного, желательного, необходимого, обусловленного, но не реально происходящего сейчас или раньше;
- 2) более или менее очевидная безличность действия, либо совсем не определяемого со стороны *agens'a*, действующего, либо с указанием только на возможную категорию, разряд действователя, т. е. с неопределенным действующим лицом;
- 3) при подавляющем преобладании выражения предикатива инфинитивом, возможность в этих оборотах форм повелительного, деепричастия и даже личных форм глагола.

Как мы видели выше, именно этими признаками определяется выбор номинатива „пассивного“ или „с аккузативным значением“ для выражения прямого дополнения в финском и эстонском языках (а также и в тюркских).

В финском языке эти древние (и тоже пережиточные) конструкции нашли себе новое и довольно устойчивое функциональное применение. В русском литературном языке они вышли из употребления к началу XIX века, а в народных говорах еще спорадически удерживаются, более всего на русском Севере. Вытеснение их из литературного языка обусловлено накоплением более четко отдифференцированных синтаксических (или лексических) средств для выражения тех модальных и пр. значений, какие выражались этими архаическими оборотами (выработана форма целевых предложений с союзом *чтобы* и личными формами сказуемого вместо инфинитивных оборотов, условных — с союзом *если*; выражение необходимости словами: *надо*, *необходимо*, *следует*, *должно*, *обязательно*). Неопределенность объекта получила четкое лексическое выражение (*некоторый*, *какой-нибудь*, *какой-то*, *какой-либо* и т. д.).

IV

Перейдем к рассмотрению материала балтийских языков.

В литовском языке, преимущественно в народных говорах, широко распространены обороты:

- 1) именительный прямого дополнения с инфинитивом;
- 2) именительный прямого дополнения с деепричастием.

Первая синтаксическая конструкция может быть и независимой (пример: *kaip riešutas pérkrimsti* „как орех раскусить“ — Жемайте³³); обычно она вводится либо глаголами: *reikia* „надо“, *rūpi* „заботит, тревожит“, *tėko* „пришлось“, *tiko* „случилось“ и под., либо наречиями: *sunkù* „тяжело“, *leñgva* „легко“, *sveika* „здраво“, *gëra* „хорошо“ и под. Встречается также оборот и после: (*ne*)*gälima* „(не)возможно“, (*ne*)*laikas* „(не)время“, *priéina* „приходится“ и под.

Большинство языковедов склонно понимать пережиточные явления языка на основе господствующей нормы; в этом проявляется общая закономерность освоения реликтов, как в народных слоях, так и в среде ученых. В данном случае надо было осмыслить инфинитивный и деепричастный обороты с именительным падежом по модели простого предложения номинативного строя. Замечательный литовский языковед Й. Яблонскис проявил изобретательность и вышел из положения с завидной легкостью, но в его концепции недостаточно историзма³⁴. Он истолковал эти обороты как такую — будто-бы характерную для литовского языка — разновидность номинативной структуры, в которой именительный падеж вместе с инфинитивом или деепричастием образуют „составное подлежащее“ (а в некоторых случаях — сказуемое). Можно принять это, если делить предложение только на два „состава“ (как делал Шахматов): подлежащего и сказуемого, включая в каждый состав все соотносительные слова и отвлекаясь от синтаксических отношений внутри первого и второго состава. В сложном предложении: *Ne laikas šiēnas džiovinti, kadà lietùs ima lýtì* „не время сушить сено, когда начинается дождь“ (Leipalingis) можно считать словосочетание *šiēnas džiovinti*, „сено сушить“ подлежащим, а *ne laikas* „не время“ сказуемым. Но это не снимает внутренних синтаксических отношений оборота *šiēnas džiovinti*, где *šiēnas* все таки дополнение при инфинитиве *džiovinti* „сушить“. Эти внутренние отношения состава подлежащего несколько приглушенны, но не сняты, не исчезли, как не исчезло и понимание формы именительного падежа в *šiēnas*, хотя она и выступает здесь в не свойственной норме индоевропейских языков функции дополнения. Поэтому, если говорить не о „составе подлежащего“, как половине предложения, а о подлежащем в узком смысле, то надо признать подлежащим *džiovinti*, при котором есть прямое дополнение *šiēnas*.

³³ Žemaitė, Raštai, V, Vilnius, p. 550.

³⁴ См. в „Избранных сочинениях“, подготовленном Й. Палионисом переиздании грамматических работ Яблонского: J. Jablonskis, Rinktiniai raštai, t. I, p. 161, § 197—198; p. 454—59, §§ 20 c, 21 e; p. 560—64, §§ 6—7.

С другой стороны, спорным мне представляется и разрыв конструкции *Nominativus cum infinitivo*, допускаемый Й. Яблонским при анализе второй группы примеров, содержащих её (§ 21, е). В предложении: *Jaiš natai matýti* „дом уже видно“ он отделяет *matýti* — теперь уж как сказуемое, а *natai* оказывается подлежащим, главным образом потому, что имеет форму именительного падежа. Но литовский инфинитив не имеет пассивного значения „быть видимым“, которое только и могло бы дать основание видеть в *natai* подлежащее, а не дополнение. В этом близком предложении нет подлежащего, а *natai matýti* можно рассматривать как целостное (по Шахматову „неразложимое“) сказуемое, хотя и в нем вполне осознается функция дополнения в слове *natai*. Это еще более очевидно в следующем примере Яблонского (записанная в Жагаре народная прибаутка) из этой же группы: *Bepigū kiaūlei: nei burnà praūsti, nei kójos aūti, nei põteriai kalbēti* „хорошо свинье: ни умываться, ни обуваться, ни молиться“, точнее: „ни лицо мыть, ни ноги обувать, ни молитвы говорить“. Русский перевод одним словом каждого оборота Nom. с. Inf. хорошо передает целостность этих оборотов. Поэтому я считал бы более верным анализ этого предложения, если бы Яблонский выделил как сказуемые именно каждый из этих оборотов целиком, а не только инфинитивы (*praūsti, aūti, kalbēti*). Чем же тогда являются номинативы *burnà, kójos, põteriai?* Подлежащим? Но глаголы *praūsti, aūti, kalbēti* в этих сочетаниях явно переходные, следовательно, эти номинативы не могут быть определены иначе, как „прямое дополнение“.

Итак, именительный прямого дополнения при инфинитиве и при деепричастиях употребляется в литовских диалектах (более всего в дзукских, восточных и части жемайтских), а поэтому имеет отражение и в языке писателей (у Креве, Жемайте и др.). Приведу разнообразные по вводящему компоненту примеры:

1. Именительный прямого дополнения с инфинитивом: *Dabar man rūpe, iš kur rāgutės gáuī (pažyči)* (из картотеки Б. А. Словаря Литовского языка) „Теперь у меня забота, где достать салазки?“ *Nāšlei pačiái reik(ia) rūpinti visl natiū reikalaī* (оттуда же) „Вдове надо самой заботиться обо всех домашних делах“; *Nutiko prieš lietų šiēnas pasigáuti* (оттуда же) „Удалось перед дождем убрать сено (свести)“; *Sunkiáusi darbēliai reiks man dirbt* (оттуда же) „Самые тяжелые работы придется мне делать“; *Vélus mētas, reikia vaikaī guldýti* (оттуда же) „Поздний час, надо укладывать детей“; *Mókydavo kükoriū, kaip geriaū valgytaī virt* (из записей А. Баранаускаса изд. Ф. Шпехтом) „Учил повара, как лучше готовить кушанье“; *Tai labaī gēra miegōi miegēlys* (оттуда же) „Это очень хорошо спать сладким сном“; *Rugēliai piáuti labaī nusbósta* (оттуда же) „Очень надоедает жать рожь“; *Man tēko ir mergáuti, ir tinginys výras gáuti* (из записей Й. Яблонского) „Пришлось мне и в девках посидеть, и мужа-лодыря получить“; *Baīsi ūra ir paminēi tie žōdze* (из записей А. Баранаускаса) „Страшно мне и вспомнить те слова“; *Náms pastatit — ne kepūre pakélt'* (запись Й. Шукиса) „Дом построить, не картуз снять“; *Mañ gyvuliai sutvarkit'* (оттуда же) „Мне (еще) со скотиной управиться“.

Всё это безличные предложения с ясно выраженной обобщенностью и модальностью. Последние примеры показывают употребительность в народной речи оборота Nom. с. Inf. без вводящих слов, как совершенно независимого оборота.

2. Именительный прямого дополнения с деепричастиями. (Все примеры из картотеки Диалектологического Атласа АН Лит. ССР.) *Kur gāvus tas kālis* „Кабы где доставши этот мех“; *Linaī rá.ununt rēik'a ši.ltai apsivilkte* „Беручи лён — надо тепло одеваться“; *Kad gerī rōtai gōvus* „Кабы добывши хорошую телегу“; *Geraī bu.tū stīpras darbinikas pasisumāžus* „Хорошо бы сильный батрак нанявшись“; *Kur ēa rō.dus gēras mēistras* „Где тут нашодши хороший мастер!“, т. е. где тут найти хорошего мастера?“; *Bu.t g'eraī tāks arklī.s gō.vus* „Хорошо бы такого коня добывши“; *Vēt kad gāvus nemāžas šmōtas dūonos* „Вот кабы немаленький хлеба ломть добывши“; *Kat gāvus nemāžas p'etuō* „Кабы добывши пастуха — не мальша“; *Kožnas dárbas dírbunt mōksla raīka* „Каждое дело делаючи надо уменья“; *Kat kaip nē būt miēzai pasējus* „Хоть бы как-нибудь ячмень посеявши“; *Taī kās če mān padār'us* „И что же мне сделавши“.

И эта конструкция, как видно из приведенных записей, имеет в народной речи значение безличное, обобщающее и в известном смысле ирреальное, т. е. противопоставляемое констатации свершившегося или свершающегося события. Оформленная разновидность номинатива (S-овый номинатив) утверждалась в литовском языке, как единственно возможная, но функции неоформленного номинатива не исчезли бесследно, они сохраняются пережиточно до сих пор в оборотах номинатива прямого дополнения при инфинитиве и деепричастиях так же, как сохраняются функции среднего рода местоимений и предикативных форм прилагательных, несмотря на исчезновение формы среднего рода. Кажется никто уже не спорит о положении, что грамматическая категория иногда зарождается раньше, чем выработана в языке четко отдифференцированная форма для ее выражения. Как мы видим в этом случае, иногда грамматическая категория и отмирает не сразу и даже не скоро после того, как форма её выражения утрачена в языке.

V

В латышском языке остатки номинатива прямого дополнения при инфинитиве встречаются в сочетании с управляемым глаголом в форме дебитива или после наречий с модальным значением, а также при несогласуемой (т. е. безличной) форме причастия страдательного залога прошедшего времени (примеры ниже).

Акад. Я. М. Эндзелин в своей пространной грамматике латышского языка, написанной в сравнительном плане³⁵, описывает эту „аномалию“ так: „Когда

³⁵ J. Endzelin, Lettische Grammatik, Heidelberg, 1923, § 392, S. 409—410 и то же без всяких изменений в латышском переводе: J. Endzelins, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, § 392, lpp. 553—554. Именительным подлежащего, а не дополнения считают номинатив в этих конструкциях и авторы „Musdienu latviešu literārās valodas gramatika“, I, Rīgā, 1959, § 452, 763; II, Rīgā, 1962, § 428, 10.

инфinitив был еще живой именной падежной формой, то объект действия выраженного инфинитивом, мог стоять в номинативе — как грамматическое подлежащее. Но и после того как инфинитив стал чисто глагольной формой, его дополнение (объект) все равно остается в именительном падеже, как грамматическое подлежащее — в тех случаях, когда инфинитив зависит от модального наречия: *nūosūnuojis akmins grūti kustināt* „обомшельй камень трудно пошевелить (сдвинуть)“ (Трэйланд. Материалы по этнографии латышского племени, М.; 1881). Ср. литов. *aktyiš lēngva (ratus)* *indēti ir sunkiāusias „Viltis“*, 1908, № 77 и примеры в Литовском синтаксисе Яблонского, стр. 19 и 23, подобным образом (по крайней мере в диалектах) и в тех случаях, когда инфинитив зависит от дебитива или императива: *jāiet rija kult* BW. 946 „надо рига молоть“; ...*vaiga issukāt galva (Kaletos)* „надо голова вычесать“; *zirgs vajadzēs mazgāt* (Bezzenberger) „придется искупать конь“; *vaīdzēja celtis gails kaut* „надо было встать петух зарезать“; *grībis koads dorbs padarīt (Nereta)* „хочется каждое дело сделать“; *kungam ēst tei maizīte* (в нар. песне) „господин должен есть этот хлеб“. Ср. литовское: *reikia kultuvē padarīti* „надо валек сделать“ и русское диалектное: *надо душа спасти* (Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4, стр. 197 сл.), или „потерять тебе будет буйна голова“ (Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности, стр. 86).

Прямое дополнение в форме именительного падежа встречаем также в оборотах типа: *vīnam duots zirņi ēst* „ему дано горох поесть“ (Мюленбах, Латышская грамматика, § 352).

Как видим, здесь повторяется концепция Потебни: сперва номинатив был выражением подлежащего, теперь, если и не заменен аккузативом, выражает прямое дополнение.

Диалектальный материал был собран для Атласа латышского языка по вопроснику, включившему почти все вышеупомянутые примеры акад. Я. Эндзелина³⁶. Чередование в говорах (как, впрочем, и в литературном языке) в инфинитивных оборотах после дебитива форм именительного с фф. винительного доказывает совершенно неоспоримо, что для современного сознания говорящих по латышски это дополнение, а не подлежащее. Иначе надо было бы, будучи последовательным, ввести в грамматику категорию „винительного падежа подлежащего“, чего никто не делал и не делает. Однако именно эту непоследовательность (в отступление от взглядов ак. Эндзелина) допустили авторы „Грамматики современного латышского литературного языка“ (см. выше). Соотношение ответов на вопрос № 270 Программы Атласа: *jāsāk plaut siens* — или *sienu?* „надо начинать косить сено“ (в именит. или винит.?) таково: в 109 н/п — номинатив, в 6 н/п — чередование номинатива и аккузатива, в 31 н/п — только аккузатив (последнее — в большей части ливских говоров и изредка в Латгалии).

³⁶ Latviešu valodas dialektologijas Atlanta materialu vākšanas Programma, Rīgā, Latvijas PSR Zinātņu Akademijas izdevniecība, 1954, NN 270, 272, 273, 274, 276, 277, 280, 281.

Выборки из материалов Атласа были любезно присланы мне С. Раге и Д. Земзаре, сотрудниками Ин-та Языка и литературы АН Лат. ССР, за что приношу им свою глубокую благодарность.

При зависимом инфинитиве (вопрос № 272) номинатив встречается гораздо реже: *jāiet pļaut siens* известно только в 73 н|п, в 29 н|п — *sienu* (аккузатив), в 35 н|п — *siena* (генитив) и в 11 н|п — чередование номинатива с генитивом. Географическое распространение ответов в основном не отличается от предыдущего.

Относительно реже встречается номинатив прямого дополнения во фразах (вопрос № 276): (*ne)vajag malka skaldīt*, „(не) надо колоть дрова“; *nav bīv ne vardiņš teikt*, „нельзя и слово сказать“; *gribas kāds darbs padarīt*, „хочется каждое дело сделать“, а также и в оборотах: *vajadzēja celties gailis kaut*, „надо было встать зарезать петух“; *tagad vajag spēks*, „теперь нужно сила“; *vajag nākt piens dzert*, „надо итти молоко пить“.

Значительно чаще номинатив употребляется в народных говорах при инфинитиве, зависящем от наречия: *nuosūnojis akmens grūti kustināt*, „обломавший камень трудно сдвинуть“; *aka nav viegli rakt*, „колодец нелегко копать“ (вопрос № 280).

Но во всех ответах на вопросы 272, 276, 277, 280 преобладает аккузатив. Более точного определения в цифрах здесь пока нельзя дать за недостатком материала³⁷.

Латышский язык, как видим, даже в народных говорах сохранил меньше следов древних оборотов с именительным прямого дополнения, хотя его с полным основанием считают наиболее финнанизированным. Всего радикальнее проявилась унификация (устранение этих пережиточных конструкций под влиянием господствующего выражения дополнения в винительном падеже) — в ливских говорах, т. е. явно новых, скрещенных, а больше всего остатков этой архаики в центральных и восточных говорах, относительно более „чистых“, верных индоевропейской традиции. Самым устойчивым оказался оборот *Nominativus cum Infinitivo* после дебитива (эта конструкция факультативна в литературном языке и обычна в большинстве народных говоров. Остальные конструкции (даже со временем наблюдений Мюленбаха и Эндзелина) заметно стали выходить из употребления).

Всем перечисленным и продемонстрированным латышским конструкциям так же, как аналогичным русским и литовским — свойственна и безличность (бессубъектность), и обобщенность объекта, и более или менее четко выраженная ирреальность еще не состоявшегося действия.

Итоги.

1. Совершенно очевидно, что известная доля грамматического своеобразия в каждом языке нисколько не нарушает аналогичности финских, эстонских, русских, латышских и литовских конструкций с именительным прямого дополнения.

³⁷ Вот еще примеры записей для Атласа с именительным прямого дополнения: *Nav viegli maisi nest*, „Нелегко мешки таскать“ (д. Аури близ Добеле); *Šitais grūti izrēķinat*, „Это трудно решить“ (д. Вилзены, бл. Лимбаки); *Pelašķi ir grūti iedzert*, „(настойку) тысячелистника — трудно выпить“ (д. Браслава бл. Лимбаки); *Maiss ir smagi celt*, „Мешок трудно поднять“ (близ Руйена) *Abulīš ir grūti pļaut*, „Клевер трудно косить“ (там же); *Apesta maize grūti pelnēt*, „Съеденный хлеб трудно отработать“ (бл. Лейясциемс).

2. После сравнения всех их нет сомнения в том, что эти конструкции включали в качестве дополнения существительные любого рода (недоказуемые формы именительного падежа мужского рода в русском языке — совершенно очевидны в литовском и латышском), что формы повелительного наклонения и деепричастия были первоначально столь же нормальны в конструкции с именительным прямого дополнения, как и инфинитив. Эти глагольные образования известны во всех пяти сравниваемых языках. Сочетание именительного прямого дополнения с личными формами глагола встречено только в русском, финском и эстонском. Из этого можно заключить, что утрата различия „активного и пассивного“ номинатива и вытеснение пассивной формы — активной (S-овой) началось именно при личных формах глагола.

3. Против предположения о заимствовании „аномальных“ конструкций говорят и география их распространения, и их история. Пережиточное сохранение остатков дономинативного строя предложения, соответствовавшего иной формации глагола, иному соотношению форм именной флексии, иным функциям падежей — может удивлять нас только своим относительным изобилием и устойчивостью, что объясняется приспособлением их к новой формации в развитии предложения, к новой системе именной и глагольной флексии и словообразования.

4. Распространение ряда сходных конструкций на ареалах двух балтийских, двух финских и (когда-то) трех восточно-славянских языков свидетельствует о глубокой древности этого явления не только а) потому, что они имеютrudиментарный характер и явно отмирают в большинстве этих языков; б) потому, что родственные балтийские и славянские языки не могли образовать единства по крайней мере уже в течение двух тысяч лет, наконец, и потому, в) что с прибалтийско-финскими языками славяне и балты вошли в контакт едва-ли позже, чем те же две тысячи лет назад. г) Невероятным было бы предположение о независимом параллельном развитии оборотов с именительным прямого дополнения в каждом из этих языков, настолько все рассмотренные конструкции близки и сходны, а вместе с тем во всех указанных языках они выпадают из господствующей нормы как „аномалии“ и не могут быть удовлетворительно истолкованы в системе номинативного строя, как результат внутренней и в каждом языке самостоятельной эволюции простого предложения, какой-то его разновидностью.

Наиболее правдоподобным объяснением представляется введение этихrudиментарных конструкций к языку единого субстрата, племенных диалектов Прибалтики и северной Европы, — с которым смешались, продвигаясь в места теперешнего расселения и финские племена, и первые волны балтийских переселенцев с Юго-Востока, и, наконец, авангард славян, про-двигавшихся с юга³⁸.

³⁸ Указанные проф. С. Е. Маловым соответствия этой конструкции в тюркских языках должны быть прослежены и изучены тюркологами; эти соответствия, повидимому, могут быть включены в число элементов, характеризующих «самодийскую» языковую систему. Если это подтвердится, то древность и пережиточность изучаемой нами конструкции в славянских, балтийских и современных прибалтийско-финских языках станет еще более очевидной.

Только с помощью археологов можно идти дальше в обосновании этой гипотезы, или отвергнуть её, если история материальной культуры балто-славяно-финских ареалов не согласуется с нею.

В заключение следует напомнить, что есть ряд наблюдений над другими языковыми аномалиями в том же круге языков, которые при дальнейшем изучении могут дать изоглоссы, сходящиеся в пучок и таким образом могут определить точнее контуры предполагаемого субстрата. Фиксация места ударения на первом слоге известна кроме прибалтийско-финских языков латышскому и пограничным с Лат. ССР литовским говорам³⁹.

Латышский дебитив, литовский пермиссив и оптатив представляют отклонения от индоевропейского глагольного словообразования, находящие себе финские и эстонские параллели. Старолитовские многочисленные формы разновидностей местного падежа (инэссив, адэссив, иллатив, аллатив) тоже явно сближаются с финно-эстонской системой склонения в этой части и удаляются от индоевропейских моделей. Ряд совпадений в лексике и фразеологии, например, те, которые указаны акад. Я. Эндзелином⁴⁰, может быть значительно увеличен, это одна из очередных задач лексикологов славистов, балтистов и финнистов. На нынешнем этапе развития языкоznания должно быть возобновлено исследование грамматических и лексико-фразеологических соотношений между финскими, балтийским и славянскими языками, удачно начатое почти столетие назад датским лингвистом В. Томсеном.⁴¹ В сближении и взаимопомощи языковедов славистов с балтистами и финно-угроведами, которое заметно усилилось за последние десятилетия — залог и условие наших дальнейших успехов в раскрытии древнейших контактов между племенами и языками Прибалтики и Русского Севера.

ON A COMMON SLAVONIC, BALTIC AND FINNISH ISOGLOSS

B. LARIN

Summary

Constructions of Infinitive and Verbal adverbs with the Nominative of Direct Object known in the areas of two Finnish, two Baltic and three East Slavonic languages go back to the languages of the Baltic and North Russian substratum.

The antiquity of such constructions is indicated by their rudimentarity, the discrepancy in Nominative system of the sentence and correlation with archaic passive and ergative system.

³⁹ С этим можно сравнить и несистематическую передвижку старого ударения к началу слова в северорусских говорах (*засуха, добыча, зá лесом, взáболь, глóломя* и т. д.).

⁴⁰ И. М. Эндзелин, О латышско-финских языковых связях, сб. статей „Памяти акад. Л. В. Щербы“, Лд., 1951, стр. 292—304.

⁴¹ V. Thomsen, Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-leittiske) Sprog, København, 1890.

The tradition of such constructions may be attributed to the beginning of our era, because at that time and not later the contacts between Baltic tribes, Slavs and Western Finns were established as well as their geographical distribution over the territories they have occupied since the first centuries A.D.

APIE VIENĄ SLAVŲ-BALTŲ-SUOMIŲ IZOGLOSĄ

B. LARINAS

Reziumė

1. Bendraties su tiesioginio papildinio vardininku konstrukcija, išlikusi iki šiol šiaurinėse rusų kalbos tarmėse, seniai traukė tyrinėtojų dėmesį, bet, kol visi jos istorinio ir genetinio tyrinėjimo bandymai neperžengė vienos kalbos rėmą ir neišsivadavo iš daugiau ar mažiau atsitiktinės faktų atrankos, ji vis dar lieka painių ir nevaisingų ginčų objektu. Labai akivaizdžiai čia išryškėjo ir sinchroninio požiūrio į kalbos reiškinius, neatitinkančius vyraujančių kalbos normų, ydingumas.
2. Šią konstrukciją galima įtikinamiau paaiškinti tik ištyrus jos paplitimą ir vartojimą tiek chronologiniu, tiek ir teritoriniu (lingvistinės geografijos) atžvilgiu.
3. Rusų literatūrinėje kalboje ši konstrukcija pastebėta nuo XI—XII a. iki XVIII a. pabaigos Dažniausiai ji pasitaiko šiaurinėse tarmėse, bet retkarčiais randama ir kitose (net pietinėse) tarmėse.
4. Dar tiksliau galima spręsti apie šios konstrukcijos prigimtį ir kilmę, kada sugretiname ją su analogiškais baltų ir Pabaltijo suomių kalbų sintaksiniais modeliais.
5. Suomių kalbų duomenys rodo, kad ši konstrukcija susijusi su senovine vardininko funkcija, būdinga tam laikotarpiui, kai vardininkas dar nebuvo atskirtas nuo galininko, bet jau buvo priešpastatytas įnagio, tikslo ir vietas linksniams. Tokia linksnių santykų sistema, geriau išsilaikiusi Pabaltijo suomių kalbose, padeda suprasti papildinio vartojimą vardininko linksniu ne tik su bendratimi, bet ir su asmeninėmis veiksmažodžių formomis. Tokios konstrukcijos pastebėtos rusų kalbos senuosiųose raštuose ir dabartinėse tarmėse.
6. Tuo būdu nustatome archainę izoglosą, einančią per slavų, baltų ir Pabaltijo suomių tarmių teritoriją. Ji skatina mus ieškoti ir kitų „Pabaltijo kalbinės sąjungos“ bendrų bruožų, kitų du (ar daugiau) tūkstantmečius trukusių slavų, suomių bei baltų genčių kontaktų pėdsakų.